

Марина Михайлова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара, Россия)

СЕМАНТИКА НЕВЫРАЗИМОГО В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИЗЫСКАНИЯХ

В определенный период времени внимание ученых сосредоточивается на каком-то участке научных проблем, этот участок начинает привлекать всё большее число исследователей, образуется пучок разнонаправленных и взаимодополняющих изысканий. Сказанное справедливо в отношении значения невыразимого. Интерес к семантике невыразимого нарастает с каждым новым десятилетием.

Уже в XX столетии феномен невыразимого в гуманитарных изысканиях (искусствознании, литературоведении, эстетике и др.) стал одним из ключевых (Синцов 2003). Философские основания природы невыразимого простираются на многие века, в частности, затронуты в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна (1994). О непостижимой «явленности красоты» писал С. Франк (1990). Развитием философских оснований значения невыразимого явились современные изыскания Е. В. Синцова. Следуя позиции Платона, ученый указывает на то, что художественное целое рождается под мощным воздействием невыраженного, потенциально возможного, принципиально невербализуемого и нематериализуемого ни в какой вещественно-телесной форме (Синцов 2003: 3). Ср. данную точку зрения с позицией польской исследовательницы М. Киты, сопоставляющей понятия «невыразимого», «невыражаемого» и «невыраженного»: невыразимое – то, что не имеет названия; невыражаемое – культурно опосредованный конвенциональный компонент; невыраженное имеет разовый, единичный характер (Kita 2002: 101).

Изучая природу невыразимого в искусстве и культуре, Е. В. Синцов создает жесто-пластовые основания художественного мышления в визуальной орнаментике и музыке. Выявление антропоморфных источников невыразимого в искусстве и культуре приводит ученого к мысли, что воображаемый жест обретает относительную независимость от телесности в сфере мышления и воображения.

Философские основания природы невыразимого позволяют Е. В. Синцову определить и охарактеризовать назначение орнамента, размещенно-

го на вещи. Ученый отмечает, что присутствие орнамента на вещи как бы вызывает к Небытию – к тому истоку, из которого возникла не столько сама вещь, сколько первоначальное представление о ней, представление смутное, нечеткое, зыбкое, неопределенное, как бы «кишащее» её возможными обликами и назначениями (Синцов 2003: 31).

Характеризуя категорию невыразимого в современных гуманитарных изысканиях, назовем их магистральные направления: философия, искусствоведение, семиотика, литературоведение, лингвистика. Активизировавшийся в XX – начале XXI веков интерес к невыразимому в философии подготовил исследовательскую почву в других гуманитарных направлениях. М. Кита отмечает: «невыразимость введена в литературоведение как новая исследовательская категория» (Кита 2002: 102).

Анализ литературоведческих штудий показал, что категория невыразимого рассматривается при решении, по крайней мере, четырех проблем: 1) эстетики романтизма (творчества писателей, применявших эстетику романтизма в своих произведениях); 2) проявления метода апофатизма в художественном тексте (Лахманн 2009, Гончаров 1997, Эпштейн 2006 и др.); 3) в связи с изучением феномена экфрасиса; 4) изучения феномена молчания (громкой тишины; значащего молчания) (Брунева, Маркова, Эпштейн 2006 и др.). Литературоведы говорят об апофатическом молчании (Лахманн 2009: 155), суть которого и есть способ выражения невыразимого. Попутно заметим, что категория невыразимого привлекает внимание литературоведов при изучении художественных текстов не только писателей-романтиков и лирической романтики, но и писателей различных литературных направлений (реализма, символизма, модернизма, творчества ОБЭРИУТов, постмодернизма). Определяющим при этом является курс того или иного писателя на эстетику романтизма, его методологическую основу, ориентирующуюся на двоемирие, описание мира реального и внутреннего мира человека или инобытия, загробного мира или мира сакрального.

Истоками возникновения семантики невыразимого в художественном тексте являются фольклор и художественный апофатизм, отказ от самого описания. В художественном апофатизменегации подвергается сам способ изображения, изобразительность как таковая (Эпштейн 2006: 106). Р. Лахманн отмечает, что негативная риторика гоголевских текстов использует прием нулевой репрезентации (Лахманн 2009: 196–197). Исследовательница тонко отмечает взаимодействие семантики невыразимого и неопределенности, говорит об очевидной тенденции к стилистике неопределенности и / или неопределяемости, неразрешимости, неясности. Гоголь пытается определить «нечто ускользающее от человеческого сознания». Р. Лахманн отмечает пафос невыразимости – *ineffabile* (Лахманн 2009: 196).

В начале XXI в. в России состоялась первая научная конференция, посвященная экфрасису, то есть описанию произведения изобразительного

искусства или архитектуры в литературном произведении. По результатам прошедшей конференции был издан литературоведческий сборник с симптоматичным названием «Невыразимо выразимое: экфрасис и проблемы презентации визуального в художественном тексте» (Токарев 2013).

Название сборника указывает на философские корни методологии исследования экфрасиса в междисциплинарном подходе, на ориентацию современных исследователей на парадокс Николая Кузанского «*Attingiturin attingibilei nattingibiler*» (недостижимое достигается посредством его недостижения). Литературоведы развивают ход мыслей философов «непостижимое постигается через постижение его непостижимости» (Франк 1990: 559). Приведенное высказывание философа ср. с точкой зрения упомянутого выше современного немецкого литературоведа Р. Лахманн о семантическом построении пустоты у Н. Гоголя: «Знак нуля, иконографическое отверстие, отсутствие как кольца, так и петли, можно сказать ‘ничего’. Однако его семантика, в то же время, обращает этот нуль в знак, обозначающий не отсутствие, а, наоборот, полноту создания» (Lachmann 1999). С другой стороны, сама природа экфрасиса – описания визуального искусства через художественный текст – предполагает взаимодополнение различных видов искусств на основе невыразимого. Что касается лингвистической природы семантики невыразимого, то следует отметить, что базовой для семантики невыразимого является категория отрицания. Как пронизательно заметила М. В. Ляпон, отрицание принадлежит к тем языковым явлениям, которые не только нуждаются в интерпретации с позиций «скрытой» грамматики, способствующей многоаспектному рассмотрению явлений, но и заслуживают такой интерпретации (Ляпон 1979). Следовательно, категория отрицания является грамматическим стержнем функционально-семантической категории невыразимого. Уместным будет привести переключку идей относительно грамматически основополагающего характера категории отрицания в трудах А. Богуславского, который утверждал, что отрицание есть не что иное, как ось, на которой покоится вся структура предложения (Boguslawski 1979; 1989).

Отрицание определяется учеными как универсальная смысловая категория (Миронюк 2001: 9), относится к базисным понятиям философии, теории познания и логики, является отражением наиболее существенных черт и сторон действительности и закономерностей её познания (Калинина 2010: 5). Сложность и многообразие значений отрицания выходят далеко за пределы этой категории, поскольку грамматика отрицания способна передавать не только вопрос, но и побуждение, смягченное утверждение, терять семантику отрицания. На этом основании современный польский исследователь Л. Миронюк предлагает обратиться к термину негация, характеризуя его как более нейтральное и широкое общее наименование. По отношению к отрицанию негация «является суперкатегорией: отрицание лишь одна из реализаций негации» (Миронюк 2001: 10).

Применительно к нашему материалу также корректнее было бы говорить о том, что в основе функционально-семантической категории невыразимого лежит негация, если бы в лингвистической русистике функционировал этот удобный термин. Между тем в «русском языкознании нет работ по теории негации. Этот термин не фиксируется ни русскими грамматиками, ни лингвистическими словарями и энциклопедиями» (Миронюк 2000: 11).

Не менее разнообразной в плане исследовательских потенций является и семантика невыразимого в лингвистике. Хотя в настоящее время значению невыразимого в лингвистической русистике не посвящено ни одно монографическое исследование, по этой теме существуют статьи или попутные замечания и рассуждения. Наиболее частотно такие замечания, рассуждения или статьи представлены в лингвопоэтике (Смолина 2014, Сырица 2014, Заика 2006 и др.), этнолингвистике (Сырица 2009, Михайлова 2015), когнитологии (Попова, Стернин 2001) и смежных с ней направлений исследований: в рамках изучения категоризации эмоций в наивной картине мира (Пименова 2011), при когнитивном моделировании и словесной репрезентации внутрителесных ощущений (Нагорная 2014), встречается упоминание о семантике невыразимого в функциональной лексикологии (Алефиренко 2009: 55 и др.). Значению невыразимого уделяется внимание в структурно-семантическом направлении в российской лингвистике (научной школе В. В. Бабайцевой). В монографии 2014 г. В. В. Бабайцева отмечает принципиальную невозможность точно выразить человеку свои мысли и чувства. «Невыразимое подвластно ль выраженью?» – вопрошал В. А. Жуковский. На этот вопрос отвечают многие мастера художественного слова. Сконцентрированно ответ на это дает Ф. И. Тютчев: «Мысль изреченная есть ложь...» (Бабайцева 2014: 14, 159–160). Исследовательница называет «специальные языковые средства» для передачи невыразимого: неопределенные местоимения и наречия *кто-то, что-то, где-то, когда-то*. Одним из активных средств выражения «невыразимого» является омокомплекс *это* (Бабайцева 2014: 14, 160).

Лингвисты исследуют взаимосвязь художественного апофатизма с семантикой невыразимого (Гаврилова 2009, Миронюк 2001, Михайлова 2015), взаимодействие невыразимого и феномена значимого молчания (Арутюнова 1994, Богданов 1998, Иванян 2015, Полянский 1990 и др.). В настоящее время в лингвистической русистике назрела необходимость многоаспектного изучения семантики невыразимого. Предварительное исследование названной проблемы даёт интересные и нетривиальные результаты.

В частности, нами было обнаружено, что средства передачи семантики невыразимого в русском дискурсе в иерархической организации представлены иначе, чем в иерархической организации того или иного художественного пространства текстов мастера слова. Из сказанного выше очевидно, что местоименные слова, хотя и являются активными средствами передачи семантики невыразимого, не входят в состав ядерных средств данной функ-

ционально-семантической категории, которая организуется при опоре на грамматический стержень категории отрицания (негации).

А, например, в новом романе лауреата премии «Русский Букер» Е. Чижовой «Планета грибов» первое место по частотности занимают такие средства передачи семантики невыразимого, как безличные конструкции и местоименный субстантиват *оно*, употребленный без предшествующего антецедента.

В романе «Планета грибов» Е. Чижова следует творческому методу М. Е. Салтыкова-Щедрина. Классик ввёл в художественное пространство русской литературы местоименный субстантиват *оно*, для которого невозможно однозначно определить, с каким антецедентом местоименное слово соотносится. Описание финала романа «История одного города» включает в себя характеристику разбушевавшейся природной стихии и намёки на её соотнесённость с возможной социальной бурей. Тот же прием применяет в своем романе Е. Чижова. В окрестностях Петербурга произошла сильнейшая буря, гроза, то, чему не находится однозначной номинации, что называется при помощи местоименного слова *оно*. Но *оно* в романе соотносится с разными денотатами (возникающее между персонажами чувство интереса и симпатии, что-то невыразимо ужасное, враждебное человеческой цивилизации в лесу и т.п.), напр.:

(1) *Оно, таящееся за кустами, может услышать и подкрасться. Она вздрагивает, потому что оно уже ползет на звук, как на запах;*

(2) *Зажимает ладонями уши – пусть оно исчезнет, то, чего не может быть;*

(3) *Стоял, чувствуя, как оно подступает к горлу: стеснение духа, горечь, печаль, тоска – запоздалая, бессмысленная, тягучая, безнадежная, которую невозможно выразить ни на одном языке, кроме родного – на котором говорили с Марленом.*

В (3) содержится два средства передачи семантики невыразимого. Помимо местоименного субстантивата *оно* значение невыразимого представлено описательным оборотом *невозможно выразить ни на одном языке*. Заметим, что упоминание о Марлене также значимо для семантики невыразимого. Марлен – не обычный персонаж, это умерший друг главного героя, постоянный собеседник его мысленных диалогов. Как уже говорилось выше, семантика невыразимого репрезентируется преимущественно при раскрытии внутреннего мира человека ли инобытия, загробного мира.

Следует заметить, что не всякое употребление безличных конструкций или местоименных слов *оно*, *что-то*, *кто-то* и т. п. актуализирует семантику невыразимого. Прежде всего, такая актуализация предопределяется текстовым заданием. В анализируемом романе помимо фактических событий представлен метафорический план, на котором автор обобщает проблемы предназначения человеческой жизни, судьбы россиян, прибегает к приёмам символизации, гиперболизации. В таком случае маркерами метафорического плана и являются дескрипции невыразимого.

В романе «Планета грибов» семантику невыразимого актуализирует значительное число безличных конструкций: автор будто бы не может подобрать прямой номинации для обозначения мощной разрушительной стихии:

(4) *Воду прямо вспучило;*

(5) – *Ну чего, завалило тебя? – старуха с корзинкой выходит из леса;*

(6) – *Ну, чисто как в кино. Знаете, когда эти – пришельцы: только в кино трава, а тут берёзы – прямо как бритвой срезало;*

(7) *И, главное, закрутило.*

Таким образом, осуществленный нами краткий обзор того, как представлена семантика невыразимого в современных гуманитарных изысканиях показал: 1) Феномен невыразимого в гуманитарных изысканиях XX столетия (искусствознании, литературоведении, эстетике и др.) стал одним из ключевых и в настоящее время представлен пучком разнонаправленных и взаимодополняющих исследований. 2) Семантика невыразимого базируется на философско-методологических основаниях; истоками категории невыразимого являются фольклор и художественный апофатизм, отказ от описания. 3) В литературоведческом аспекте категория невыразимого рассматривается при решении, по крайней мере, четырех проблем: изучении а) эстетики романтизма (творчества писателей, применявших эстетику романтизма в своих произведениях); б) проявления метода апофатизма в художественном тексте; в) феномена экфрасиса; г) в связи с изучением феномена молчания (значашего молчания, «громкой тишины»). 4) В лингвистической русистике монографических исследований нет, однако семантика изучается в статьях, описана в попутных замечаниях и рассуждениях: а) в лингвопоэтике; б) этнолингвистике; в) когнитологии; г) при лингвистическом исследовании феномена молчания; д) в структурно-семантическом направлении российского языкознания В. В. Бабайцевой. 5) Иерархическая организация функционально-семантической категории невыразимого не совпадает с иерархической организацией и частотностью плана передачи невыразимого в художественном пространстве конкретного произведения, о чем свидетельствуют, в частности, приемы Е. Чижовой в романе «Планета грибов».

Библиография

- Алефиренко Н. Ф. (2009), *«Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии*, Москва.
 Арутюнова Н. Д. (1994), *Молчание: контексты употребления*, [в:] *Логический анализ языка. Язык речевых действий*, Москва, с. 106–113.
 Бабайцева В. В. (2014), *Местоимение это и его функциональные омонимы*, Москва.
 Богданов К. А. (1998), *Очерки по антропологии молчания: НотоТасепс*, Санкт-Петербург.
 Брунева Ю. А. (2004), *Мотив в системе автокоммуникации в лирике М. Ю. Лермонтова (слово, молчание, взгляд)*: Автореф. дис. канд. филол. н., Барнаул.

- Витгенштейн Л. (1994), *Логико-философский трактат*, [в:] *Философские работы*. Ч. 1., Москва, с. 5–24.
- Гаврилова М. В. (2009), *Никто, ничто и кто угодно: «апофатика» Ю. Буйды*, [в:] *Логический анализ языка. Ассерция и негация*, Москва, с. 297–305.
- Гончаров С. А. (1997), *Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте*, Санкт-Петербург.
- Заика В. И. (2006), *Очерки по теории художественной речи*, Великий Новгород.
- Иванян Е. П. (2015), *Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке*, Москва.
- Калинина А. А. (2010), *Утверждение / отрицание как многоаспектная категория языка и речи*, Йошкар-Ола.
- Лахманн Р. (2009), *Дискурсы фантастического*, Москва.
- Ляпон М. В. (1979), *Взаимодействие категорий отрицания и ирреальности в тексте*, [в:] *Синтаксис текста*, Москва, с. 204–213.
- Маркова В. В. (2005), *Поэтика безмолвия в русской литературе 1820 – начала 1840 годов (от «невыразимого» В. А. Жуковского к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя)*: Автореф. дис. канд. филол. н., Тюмень.
- Миронюк Л. (2001), *Эволюция «не-слов» в русском языке*, Olsztyn.
- Михайлова М. Ю. (2015), *Значение невыразимого в малой прозе Ю. Буйды*, [в:] *Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Сб. материалов XII Междунар. научно-практ. конф.*, Тольятти, с. 102–106.
- Михайлова М. Ю. (2015), *Репрезентация семантики невыразимого в разных языках*, „Russian Linguistic Bulletin”, № 3, с. 19–21.
- Нагорная А. В. (2014), *Дискурс невыразимого. Вербалика внутри телесных ощущений*, Москва.
- Пименова М. В. (2011), *Категоризация эмоций в наивной картине мира как отражение русской ментальности*, [в:] *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского*. Серия «Филология. Социальные коммуникации», Т. 24 (63), № 4, часть 2, с. 352–360.
- Полянский А. Н. (1990), *Формы и функции неизреченного в текстах художественной литературы*, [в:] *Научные доклады высшей школы, «Филологические науки»*, № 2, с. 54–62.
- Попова З. Д., Стернин И. А. (2001), *Очерки по когнитивной лингвистике*, Воронеж.
- Синцов Е. В. (2003), *Природа невыразимого в искусстве и культуре*, Казань.
- Смолина Н. Ю. (2014), *Семантика мотива «дыхание» в контексте оппозиции «живое / мёртвое» в лирике А. Блока*, «Мир науки, культуры, образования», № 3 (46). Филология. Раздел 3, с. 256–259.
- Сырица Г. С. (2009), *Семантика невыразимого как этнокультурный феномен*, [в:] *Славянские языки и культуры в современном мире*, Москва, с. 294–295.
- Сырица Г. С. (2014), *Актуализация авторских смыслов в художественном тексте. Лингвоэтический аспект*, Москва.
- Токарев Д. В. (ред.) (2013), *Невыразимо выразимое: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте*. Сб. статей, Москва.
- Франк С. Л. (1990), *Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии*, [в:] С. Л. Франк *Сочинения*, Москва, с. 183–185.
- Эпштейн М. Н. (2006), *Слово и молчание: Метафизика русской литературы*. Учебн. пособие, Москва.
- Boguslawski Andrzej (1979), *Wissen, Wahrheit, Glauben: Zur semantischen Beschaffenheit des kognitiven Vokabulars*, [in:] *Wissenschaftssprache: Beiträge zur Methodologie, theoretischen Fundierung und Deskription*. Т. Bungarten, ed. p. 54–84.

- Boguslawski Andrzej (1989), *Knowledge is the lack of lack of knowledge, but what is this lack lack of?*, „Quaderni di Semantica” 10, 1, p. 15–31.
- Kita M. (2002), *Użytkownik języka wobec niewyraźnego, niewyrażanego i niewyrażonego*, [w:] *Stylistyka XI*, Opole, s. 101–119.
- Lachmann R. (1999), *The semantic construction of the void*, [in:] Sven Spieker (ed.), *Gøgøl: Exploring Absence* Bloomington, „Slavica”, p. 18–33.

Marina Mihajlova

SEMANTICS OF INEXPRESSIBLE IN MODERN HUMANITARIAN RESEARCHES

(Summary)

The article contains a short review of semantics of inexpressible representation in modern research, the philosophical and methodological bases of studying inexpressible are designated. In the article the grammatical core of semantics of inexpressible is defined as a category of denial (negation). Semantics of inexpressible is compared with other adjacent concepts (apophatism, phenomenon of inexpressible in an ecphrasis, poetics and methodology of romanticism). The main directions of studying inexpressible in literary criticism are defined and characterized. The linguistic paradigms in which the semantics of inexpressible is studied are mentioned: linguopoetic, cognitive-linguistic, ethnolinguistic, structural-semantic in Russian linguistics (V. V. Babaytseva school). Asymmetry in hierarchy of functional and semantic category of inexpressible and active transmission media of the called semantics are shown in fiction.

Keywords: functional and semantic category; semantics of inexpressible, apophatism, apophatika, negation, non-words, category of denial, ecphrasis, linguopoetics.

СЕМАНТИКА НЕВЫРАЗИМОГО В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИЗЫСКАНИЯХ

(Резюме)

Статья содержит краткий обзор представленности семантики невыразимого в современных гуманитарных исследованиях. В ней обозначены философско-методологические основания изучения невыразимого, а также определен грамматический стержень семантики невыразимого – это категория отрицания (негации). Семантика невыразимого сопоставлена с другими активно востребованными в современных гуманитарных изысканиях смежными понятиями (апофатизмом, феноменом невыразимого в экфрасисе, поэтикой и методологией романтизма). Определены и охарактеризованы основные направления изучения невыразимого в литературоведении. Исчерпывающим образом названы исследовательские парадигмы лингвистики, в которых статьями или попутными рассуждениями и замечаниями изучается семантика невыразимого: лингвопоэтика, когнитология, этнолингвистика, структурно-семантическое направление в российской лингвистике (научной школы В. В. Бабайцевой), смеж-

ные, междисциплинарные исследования. Показана асимметрия в иерархии функционально-семантической категории невыразимого и активных средств передачи названной семантики в художественном тексте.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория; семантика невыразимого, апофатизм, апофатика, негация, не-слова, категория отрицания, экфрасис, лингвопоэтика.